

ХРОНИКА

ИРИНА ВОВК
ДАРЬЯ БУРА

ИЗОЛЯЦИЯ

ТАЙНЫЕ ТЮРЬМЫ ДОНБАССА
В РАССКАЗАХ СПАСЕННЫХ
ОТ ПЫТОК И СМЕРТИ

Харьков
«ФОЛИО»
2020

Предисловие

29 декабря 2019 состоялся так называемый «большой» обмен пленными 80 (76) на 124. «Большой», ведь это — долгожданное и вовсе не обыденное событие для Украины. Предыдущий обмен такого же формата состоялся ровно за два года до этого, 27 декабря 2017 года. Украина смогла освободить десятки своих граждан, находящихся в плену террористических организаций, поддерживаемых Россией на оккупированной части Донбасса.

Мы почти ничего не знали о людях, которых планировали обменять 29 декабря, до самого обмена. В тот день под вечер Служба безопасности Украины официально обнародовала списки 12 военнопленных и 68 гражданских заключенных (четверо из которых решили остаться на территории «ОРДЛО»). И только тогда журналисты, блогеры и общество могли искать информацию об освобожденных украинцах. И если к военнослужащим ВСУ, которые вернулись домой, в основном вопросов не возникало, то с гражданскими случилось другое. Многих из них подозревали в работе не на украинские силы, а в содействии боевикам. Некоторых вообще откровенно называли врагами: «боевиками», «сепаратистами», «ватниками».

Споров велось много: радость от возвращения одних переплелась с недовольством от возвращения других. Еще большее возмущение вызвало то, кого отдали гибридным силам за украинских заключенных. Речь идет о пяти «беркутовцах», которых обвиняют в расстреле Небесной сотни во время Революции Достоинства; о трех обвиняемых в подрыве мирной демонстрации в Харькове 22 февраля 2015-го (которые, вероятно, участвовали и в «Антимайдане» и столкновениях в Мариинском парке зимой 2014-го); о фигурантах «трагедии 2 мая» в Одессе в 2014-м; об участниках штурма горуправления милиции в Мариуполе в мае 2014-го; о боевиках, которые воевали в составе вооруженных группировок «ЛДНР». В конце концов, официально всех имен переданных боевикам лиц так и не назвали, — идентификация состоялась общественными и медийными усилиями.

И риторический вопрос для украинского общества: стоили ли некоторые вернувшиеся в результате обмена того, чтобы за них отдавали настоящих убийц украинцев.

В этой книге 22 истории из уст бывших пленников «ЛДНР»: это адаптированные монологи (без авторских комментариев журналистов, за исключением справочных уточнений с пометкой «авт.»), только то, что экс-узники рассказали о своей жизни во время войны и во время плена. Разыскивая и анализируя информацию, мы сделали акцент на военных ВСУ и людях, которые работали в пользу украинских сил и это подтверждают местные жители Донбасса, украинские ведомства, журналисты и наши личные источники. В противоположность — в тексте есть истории людей, прошлое которых вызывает много вопросов, но по каким-то причинам они оказались в тюрьмах «ЛДНР», были освобождены и возвращены в Украину. В то же время откровенными врагами, которые сотрудничали с террористическими администрациями тайных тюрем на Донбассе должны заниматься соответствующие органы в Украине.

Кем на самом деле являются освобожденные пленники (речь о гражданских экс-узниках) — оценить и проанализировать достоверно трудно. Ведь у каждого своя история. А читатель, опираясь на эти истории и открытые доступные источники, может сделать собственный вывод.

Мы специально выделили первым и отдельным разделом истории военнопленных — ребят, попавших в плен боевиков во время боя и переживших 5 лет ада и издевательств. Но выстояли, выжили, вернулись к родным и не против продолжить службу в рядах Вооруженных Сил Украины.

Каждый из гражданских экс-узников по-своему объясняет «свою борьбу» в пользу Украины: кто-то расклеивал листовки в оккупированных городах, кто-то публиковал сообщения и фото с оккупированной территории, чем дискредитировал боевиков, у кого-то находили в доме или авто взрывчатку, кто-то готовил диверсии, еще кто-то — передавал информацию о боевиках и технике оккупантов украинским силам. В зависимости от причиненного боевикам вреда, заключенных подвергали различным пыткам в тайных тюрьмах Донбасса. И каждый признается — «сполна ощутил «русский мир» на себе».

То, что рассказали наши собеседники, сложно осознать и принять. Вероятно, некоторые факты со временем проявятся в деталях. Среди рассказчиков историй этой книги многие признаются, что рассказанное ими — даже не 50 % того, что на самом деле происходило в подвалах Донецкого и Луганского «МГБ», в так называемой донецкой «исбушке», печально известной «Изоляция», в тайных тюрьмах, СИЗО и колониях оккупированного Донбасса. Кто-то рассказывал о пытках в подробностях, кто-то с ужасом и сквозь слезы едва мог говорить, кто-то описывал всё с полным спокойствием в голосе, а кто-то мужественно, с военной выдержкой, выстоял плен.

Мы не задались целью привлечь внимание к какой-то конкретной личности, отметить чей-то подвиг (кроме военнослужащих ВСУ), а только знакомим читателя с реальной ситуацией на оккупированных территориях, с тем, на какие жертвы могут идти люди, когда на их землю приходит враг, о выборе каждого и ответственности каждого, о том, что «перекраситься в воздухе» — не получится, а ответственность остается. Мы рассказываем о том, каким оголтелым и жестоким является враг, и что в тюрьмах Донбасса до сих пор остаются украинцы — военные и гражданские — те, для кого Украина — не просто место жительства, а то, ради чего приходится выдерживать нечеловеческие пытки.

В наших силах — напоминать обществу, что российско-украинская война продолжается, а на оккупированных территориях в тюрьмах и подвалах до сих пор страдают украинцы.

Ирина Вовк и Дарья Бура

Богдан ПАНТЮШЕНКО

мобилизованный доброволец ВСУ, 1 ОТБр
1984 г. р.

Богдан Пантюшенко — программист. В августе 2013-го он женился и вместе с женой перебрался в Киев. Они вместе были на Евромайдане и участвовали в Революции достоинства.

В сентябре 2014-го тридцатилетний Богдан добровольно пошел на войну: его мобилизовали в ряды первой танковой бригады Вооруженных Сил Украины. Пройдя «учебку» в Гончаровском, 1 января Богдан (позывной «Броня») отправился в район Донецкого аэропорта как командир танка. Его первый серьезный бой состоялся 18 января 2015 года во время операции деблокирования ДАП. Тот бой стал фатальным: возле села Спартак весь экипаж танка был взят в плен боевиками.

Сначала Богдан был в плену у так называемых «казаков», которые жестоко издевались над пленниками. Потом его перевезли в так называемую «исбушку» (бывшее здание СБУ в Донецке). Дальше были еще несколько мест содержания пленных, которые остались для Богдана неизвестными, и, в конечном итоге, СИЗО и 97-я колония. Украинского воина «приговорили» к 18 годам строгого режима за «терроризм» (подготовка террористической организации, диверсия и посягательство на власть «ДНР») — за якобы подрыв Путиловского моста, которым боевики подвозили боеприпасы к Донецкому аэропорту. Потом Богдана перевели в 32-ю макеевскую колонию.

Пять лет, которые Богдан пробыл в плену, его жена Виктория прилагала все усилия, чтобы ее любимого обменяли: акции протеста, обращения к президенту и ведомствам. И ей удалось: 29 декабря 2019-го на КПВВ «Майорск» в рамках обмена пленными Богдан Пантюшенко был освобожден вместе с другими пленниками, в частности одиннадцатью военными. Богдан готов снова стать на защиту своей страны, но сейчас хочет попробовать вернуться к ИТ.

«БЫЛА ОПЕРАЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА: МЫ ДОШЛИ ДО ПУТИЛОВСКОГО МОСТА, НО ПОДМОГА НЕ ПРИШЛА»

До войны я несколько лет работал в сфере ИТ, я не кадровый военный и даже не контрактник, то есть отношения к армии не имел, за исключением срочной службы. Кстати, там я получил квалификацию наводчика-оператора танка. Перед самым Евромайданом, за три месяца, я женился, и мы с Викторией переехали в Киев (*сам Богдан родом из Белой Церкви. — Авт.*). Мы с отцом участвовали в Революции достоинства, Виктория также активно подключилась. Тогда, правда, никто и не предполагал, что события будут развиваться так стремительно.

Вскоре после оккупации Крыма мне пришла первая повестка, потом вторая — оба раза я приходил в военкомат и мне дважды говорили «подождать». Я ждал. А в августе 2014-го позвали в третий раз и взяли. Уже 5 сентября я из военкомата попал в часть своей бригады — это поселок Гончаровское, Черниговская область. Первая танковая бригада.

Богдан Пантюшенко с женой Викторией возле Белоцерковского РВК в день мобилизации 05.09.14

Четыре месяца обучения и военной подготовки. Новый Год я провел с женой, а с началом 2015-го уехал на фронт. На поезде, эшелонами мы приехали куда-то под Волноваху. Так началась моя служба, моя война. У Волновахи мы простояли чуть больше недели, когда нас перебросили под Донецкий аэропорт: там уже шли очень тяжелые бои, последние бои за аэропорт.

18 января была запланирована операция, разработанная Генеральным Штабом (ГШ), — она касалась деблокирования Донецкого аэропорта. Наши силы тремя группами должны были выйти на ДАП, разблокировать аэропорт, отогнать «сепаров» и занять эту стратегическую позицию. Но, как у нас часто бывает... они «заложили» в Генштабе определенное количество людей, техники и спецсредств, которые должны были осуществлять эту операцию. Командиры видимо что-то подтвердили, а на самом же деле личного состава было меньше. А вот «сепаров» — наоборот, неожиданно много. Я абсолютно уверен, что на нашем направлении «сепаров» было значительно больше, чем докладывала разведка. Когда мы проходили село Спартак, то знали, конечно, что там есть враг, но ожидали, что их человек 10—15 там окопалось. А на месте выяснилось, что их там не меньше полусотни. И на нашем пути стояли 4 или 5 их подразделений.

Когда я был в плену, то мне приходилось общаться с разными людьми, которые непосредственно принимали участие в боях в ДАП и его окрестностях. В конце концов, мне и самому было интересно увидеть все с другой стороны. Поэтому я всегда расспрашивал как можно больше. И такими несущественными на их взгляд вопросами составил себе примерную картину, что на самом деле происходило под ДАПом с их стороны, со стороны «сепаров». Уже в плену я точно знал, сколько их тогда было на Спартаке, сколько возле Путиловского моста. Меня часто спрашивают о стратегии, но я всего лишь командир танка, поэтому и понятия не имел, что ГШ планирует и продумывает. У меня было конкретное задание, а глобального плана мы не знали. У нас был приказ переехать из одной точки в другую, нам рассказали о возможных препятствиях на пути и велели закрепиться в определенном месте — возле Путиловского моста. «Ждать», «наблюдать», «открыть огонь» — вот приказы для нас.

Итак, 18 января мы выехали по маршруту «Зенит — Спартак». Знали, что постреливают, знали, что дальше на

шахте есть наблюдательный пункт и первый экипаж должен по нему отработать. И он это сделал. Но когда мы уже заехали в Спартак — там была засада. Хотя... трудно четко назвать это «засадой». Думаю, «сепары» и сами не рассчитывали, что мы туда пойдём. Но у них было явное преимущество — закрепленные позиции. Когда увидели нас — стали лупить подряд из всего что имели: и шквал из автоматов, и более крупные калибры, и гранатометы пошли, — вели плотный огонь. Мы чудом «проскочили» их первую линию. Под Путиловским мостом снова завязался бой. Во время этого боя Путиловский мост упал — но это была не наша работа, хоть именно за это впоследствии «ДНР» меня «осудила».

**«МЫ ОСТАВИЛИ ПОСЛЕ СЕБЯ КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ НА СНЕГУ,
ПО КОТОРЫМ “СЕПАРЫ” НАС БЫСТРО ВЫЧИСЛИЛИ»**

Операция пошла не по плану, и мы попали на линию разграничения без должной поддержки: по какой-то при-

Богдан Пантюшенко рядом со своим танком Т-64

чине десантники не пошли за нами подкреплением, пехота была отрезана от наших танков. В таких условиях единственный вариант — возвращаться. Такое решение и принял командир группы: мы стали двигаться через Спартак на Зенит. Но «сепары» подбили наш танк из гранатомета (*перебили один из задних траков Богданового Т-64.* —

Авт.), он уже был не на ходу. Хуже того, на нас двинулся их Т-72. Наихудшим было то, что мы находились в тылу врага и к своим было далеко. Мой наводчик Иван Ляса был ранен в голову и чудом передвигался на своих двоих.

Долго не думая, мы заскочили в какой-то сарай неподалеку. Думал тогда: будут идти свои, то с боем можно будет прорваться к ним, а если своих не дождемся, то в темноте двинемся к нашим позициям. Конечно, мы могли бы выйти к дороге, где стоял наш подбитый танк, но она простреливалась на много метров. К нашим можно было попасть через поле, но оно тоже было открытым, и днем мы бы были у них как на ладони. С противоположной стороны сарая — высоченный забор, выше меня, — мы бы просто через него не перелезли с раненым Иваном. Да и что за тем забором? К сожалению, мы не учли, что Иванова рана кровит и оставляет на снегу следы, по которым «сепары» нас быстро вычислили. Минут через десять боевики уже ворвались в сарай, где мы собирались пересидеть до темноты. Это были так называемые «казаки» и несколько человек из батальона «Восток» — это именно те, кто брал меня в плен. Кстати, уже возле Путиловского моста были еще боевики из «Сомали», это уже «Гиви», и зенитная батарея с «ЗУшками». Немаленькая такая группировка. Но, думаю, если бы у нас была поддержка на Спартаке, то наши силы его бы взяли, потому что «сепары» уже были настроены уходить с тех позиций.

Но вернусь к тому сараю... Я понимал, что в том пространстве 2 на 2 метра сопротивляться втроем с тяжелым «трехсотым» — то же самое, что просто всем лечь на месте. В голове сразу промелькнула мысль про тот большой обмен 2014-го: «Хмм... там было 150 на 250. Ну, достанется нам сейчас немного от сепаров, немного посидим, перетерпим, но потом таки поменяют». И это был единственный вариант, ибо просто тупо в том сарае умирать не хотелось... В конце концов, никто нас и не спрашивал, какие наши дальнейшие

планы: с пальбой и криками ворвался десяток боевиков. Мне сразу сломали нос, другие тем временем стали тащить нашего раненого Ваньку. Казалось, что они и сами сначала не знали, что с нами делать: затолкали нас в собачий вольер в соседнем доме и стали кому-то звонить. Подозреваю, что им приказали не убивать нас, и они стали нас пинать, ставить на колени, приставляли нож к горлу, и тогда изрядно покололи нас ножами — спину, руки, ноги; хотели эти «казачки» мой чуб козацкий поджечь, но не удалось. А еще заставляли показывать на карте наши позиции. Я уже хорошо понимал, что они нас не расстреляют, — мы попали в плен.

**«ПОСРЕДИ НОЧИ “КАЗАКИ” ЗАХОДИЛИ В КАМЕРУ И БИЛИ НАС
НОГАМИ, ПРИКЛАДАМИ, КОЛОЛИ НОЖАМИ»**

Над головами загрохотало: и мы и они поняли, что это минометный обстрел. Тогда нас быстро погрузили в машину и повезли в Буденновский район Донецка, на улицу Майскую, 66. Они называли это место «Баня», хотя до войны это было отделение «Новой почты», которое «казачки» просто «отжали». Подвал этого здания стал первым и самым страшным местом моего содержания. Я там пробыл 3,5 месяца. Камера, размером где-то 6 на 5 метров, где ничего нет, даже окон, а только входные двери и стены. На полу — кафельная плитка, вместо кроватей — поддоны, на которых было разбросано какое-то тряпье, похожее на отслужившие свое одеяла, и старые бушлаты. Вместо туалета — два ведра, которые раз в день выносили. Переодеться было не во что, поэтому все 3,5 месяца я там был в той одежде, в которой меня взяли в плен. Воду приносили в пятилитровом бутылке, кормили дважды в день кое-как приготовленной, часто недоваренной, дешевой кашей, в основном это было пшено. В той камере сидели только я и Иван, а механика Диму Костецкого сразу повезли к Захарченко (*Александр Захарченко — экс-вожак и глава «совета министров» псевдореспублики «ДНР», убит 31 августа 2018-го.* — Авт.).

Кстати, Ивана, который был ранен в голову, сперва положили в больницу Калинина: кажется, ему сделали трепанацию черепа и удалили два осколка. Но как только он пришел в себя после наркоза, с зашитой головой Ваньку стащили с больничной койки и бросили ко мне в подвал. С нами сидели еще двое: Эдвард Коп, гражданин Великобритании (*Богдан вспоминает, что Эдвард назвался потомком Джона Юза, которого считают основателем Донецка; в какой-то момент его отвезли на границу с РФ и след британца потерялся.* — Авт.) и Сергей Дмитрук, которого взяли в плен осенью 2014-го, а уже в 2015-ом обменяли.

Жена в тот же день узнала, что я в плену: мы с ней договорились созваниваться каждый день утром и вечером. Но в тот вечер я уже был в плену и нас повезли к их «главарю» — такому себе «атаману» Сафоненко. Этого урода между собой «казаки» называли «Батя». Так вот этот «Батя» позвонил Виктории и, представившись «атаманом войска Донского», сказал ей, что я в плену. А потом дал трубку мне, и я подтвердил это, но сказал, что всё будет хорошо. А на следующее утро, как я уже потом узнал, ей позвонили снова и сказали, что

Богдан Пантюшенко в плену

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ВОЕННОПЛЕННЫЕ	7
Богдан Пантюшенко	9
Сергей Глондарь	25
ГРАЖДАНСКИЕ УЗНИКИ «ЛНР»	37
Денис Секацкий	39
Елена Сорокина	56
Татьяна Горбулич	74
Анастасия Мухина	85
Виктория Воронина	100
ГРАЖДАНСКИЕ УЗНИКИ «ДНР»	113
Роман Гись	115
Олег Галазюк	128
Марина Чуйкова	146
Елена Лазарева	166
Елена Завальная	182
Андрей Женчус	198
Валерий Соколов	215
Василий Савин	227
Игорь Кулиш	243
Александр Репетило	255
Роман Писанец	272
Станислав Печонкин	286
Татьяна Гончарова	307
Яков Кривошеев	327
Руслан Шейтер	339
<i>Информация про авторов .....</i>	<i>347</i>